

Тянь Цаньцюэ едва не рухнул, когда толкал дверь в свои покои. Силы стремительно оставляли его; в груди нарастала глухая боль, и он, не сдержавшись, снова зашелся в тяжелом, надсадном кашле, сплевывая кровь на ладонь.

— Молодой господин?! — испуганно вскрикнула темная фигура, метнувшись от стола.

— Фу-ма? — Цаньцюэ прислонился к косяку, прикрыв глаза и пытаясь перевести дух. Голос его звучал глухо и прерывисто. — Что-то случилось?

— Да я... ничего, молодой господин. Заглянула только узнать, не легли ли вы еще... — Няня торопливо завела руки за спину, пытаясь что-то спрятать, и виновато забормотала, не поднимая глаз.

— Вот как? — безучастно отозвался юноша.

Нащупав огниво, он зажег стоявшую на столе масляную лампу. Крошечный огонек разогнал полумрак, и при его неровном свете Фу-ма наконец разглядела лицо Цаньцюэ. Она так и застыла на месте: юноша был бледен как мертвец, а на его одежде багровело свежее, пугающе яркое пятно крови.

— Господи, молодой господин, да на вас лица нет! Что с вами?

— Всё в порядке, — слабо ответил он.

Обессиленно опустившись на постель, Цаньцюэ прикрыл глаза и тихо спросил:

— У тебя точно больше ничего нет ко мне?

— Нет-нет, что вы, ничего... Коль у вас всё хорошо, я пойду, пожалуй, — засуетилась няня. В ее голосе сквозило явное замешательство пойманного на горячем воришки. Она фальшиво улыбнулась и торопливым, семенящим шагом направилась к выходу.

Но уже у самого порога она вдруг замерла, оглянулась и с неловкой, но искренней заботой добавила:

— Берегите себя, молодой господин... Не надрывайтесь так.

Цаньцюэ слегка удивился. Лицо его потеплело, и он через силу улыбнулся:

— Хорошо. Спасибо тебе, Фу-ма.

— Старший Мужун, — негромко позвал Цаньцюэ, шагнув в прохладную сырость каменной темницы.

Услышав знакомый голос, Мужун Са медленно повернул голову в его сторону. Цаньцюэ подошел ближе, омочил чистую ткань в тазу и принялся бережно обтирать исхудавшее тело узника.

— Почему тебя так долго не было? — бесстрастно спросил тот.

— Простите... — Цаньцюэ на мгновение замешкался, подбирая слова. — Кое-какие дела задержали меня.

На самом деле после того тяжелого разговора с Тянь Исюанем он целый день пролежал в постели, не в силах даже пошевелиться, и пришел сюда, едва в теле появилась хоть какая-то бодрость.

Мужун Са лишь едва заметно кивнул, принимая объяснения. Он не двигал незрячими, подернутыми мутной пеленой глазами.

— Так ты и впрямь хочешь научиться играть на цине? — неожиданно спросил он.

Цаньцюэ на мгновение замер. Он горько усмехнулся.

— Вовсе нет... Просто не хотел, чтобы мне переломали пальцы. К музыке я, признаться, равнодушен. А тогда... тогда я сказал это лишь ради одного.

Юноша осекся, устремив взгляд в темный угол.

"Мне просто хотелось увидеть, как поступит со мной моя так называемая семья..."

Тень былой боли набежала на его лицо.

Немного помолчав, Цаньцюэ тихо, с робкой надеждой спросил:

— Старший Мужун... Если ваши руки когда-нибудь поправятся... сыграете для меня? Мне не нужно, чтобы вы меня учили, — поспешно добавил он и, отвернувшись, зашелся в сухом, надсадном кашле. — Я просто хотел бы хоть раз услышать вашу игру.

В каменной комнате повисла долгая, тяжелая тишина. Цаньцюэ уже мысленно упрекнул себя

за дерзость и приготовился к отказу, когда Мужун Са тихо произнес:

— Хорошо. Если мои руки исцелятся — я сыграю.

— Спасибо вам, — искренне обрадовался юноша.

Даже если этому обещанию не суждено было сбыться, само согласие гордого мастера согревало ему душу.

Закончив умывание, Цаньцюэ глубоко вздохнул и достал из-за пазухи тонкий нож — его лезвие было острым и невесомым, точно крыло цикады. Быстрым, точным движением он надрезал старый, огрубевший шрам на правом запястье Мужун Са. В воздухе тут же разлился слабый, металлический запах свежей крови.

— Что ты делаешь? — нахмурился тот, почувствовав легкий укол.

— Лечу вас, — выдохнул юноша.

Сглотнув подступивший к горлу ком, он осторожно извлек из нефритового флакона мазь Пурпурной Яшмы и Гибискуса и нанес ее на свежий порез.

Мужун Са замер. Когда до его израненной плоти коснулась живительная, проникающая до самых костей прохлада, он широко распахнул невидящие глаза от немого изумления.

"Что это за снадобье? Это же... лекарство Тянь Исюаня!"

— Это особая целебная мазь, — тихо пояснил Цаньцюэ, всматриваясь в его лицо. — Дядюшка Мужун, вы что-нибудь чувствуете?

Хотя юноша знал, что Тянь Исюань не стал бы его обманывать и подсовывать пустышку, он всё равно не находил себе места от волнения.

— Это... мазь Пурпурной Яшмы? — после недолгой паузы спросил Мужун Са. Голос его, обычно твердый и бесстрастный, слегка дрогнул.

— Да, она самая.

Услышав подтверждение, Цаньцюэ облегченно вздохнул. Дождавшись, пока снадобье полностью впитается в поврежденные ткани, он достал чистый белый бинт и принялся бережно перевязывать запястье мастера.

Затем он точно так же обработал левую руку узника и его изувеченные лодыжки. Когда всё было кончено, он взвесил в ладони нефритовый флакон — целебного средства осталось чуть больше половины. Спрятав драгоценную мазь поближе к сердцу, Цаньцюэ тепло попрощался со старшим и покинул сырую темницу.

Время летело незаметно. Минуло три месяца.

Срок соглашения с Тянь Исюанем неумолимо приближался, и Цаньцюэ ловил себя на том, что всё чаще и тревожнее посматривает на собственные тонкие запястья. Страх сковывал его при мысли о том, что ждёт его впереди.

Однако все тревоги отступили на задний план, едва он вновь спустился в подземелье и замер на пороге, не веря собственным глазам. Мужун Са стоял. Сам, без посторонней помощи, твердо опираясь на некогда перебитые ноги.

— Старший Мужун? — выдохнул изумленный юноша. — Ваши руки и ноги...

— Почти зажили, — спокойно подтвердил мастер, слегка склонив голову.

— Какое счастье... — Цаньцюэ искренне и радостно улыбнулся, а голос задрожал от переполнявших его чувств.

— Пойдите, — Цаньцюэ попытался унять бурю восторга в груди и посмотрел в затуманенные глаза собеседника. — Дядюшка Мужун, а ваше зрение? Его можно вернуть?

Мужун Са ответил не сразу. Его невидящий взор был устремлен куда-то сквозь юношу.

— А если можно, что тогда? — тихо спросил он.

— Это было бы просто чудесно! — мягко рассмеялся Цаньцюэ. — Мне всегда казалось, что у вас удивительно красивые глаза. Жаль, если они так и останутся незрячими.

— Они поправятся, — кивнул Мужун Са, тронутый этой бесхитростной похвалой. — Только лекарства тут бессильны. Мне нужно лишь время, чтобы самому разрушить наложенную печать.

— Вот как? — задумался Цаньцюэ. — И сколько же потребуется времени?

— Около месяца.

— Месяц... всего месяц... — тихо повторил юноша.

Внутри у него всё сжалось. Он внезапно осознал, что их уединенным встречам в этой темнице осталось длиться совсем недолго. Как только мастер вернет зрение и былую силу, он наверняка покинет это мрачное место.

— Что-то случилось? — Мужун Са уловил перемену в его голосе. Он едва заметно нахмурился от беспокойства.

Цаньцюзэ шумно выдохнул, прогоняя тоскливые мысли, и упрямо вскинул голову:

— Старший Мужун... Вы обещали сыграть для меня. Позволите ли вы мне услышать вашу музыку теперь?

Каменные своды темницы безмолвно поглотили его слова. Молчание затягивалось, становясь почти осязаемым, пока мастер наконец не нарушил его коротким, негромким:

— Хорошо.

— Спасибо вам, — прошептал Цаньцюзэ.

И, склонившись в глубоком, почтительном поклоне перед своим незрячим наставником, он замер, прекрасно зная, что тот не может этого увидеть. Но это было и не важно.

<http://bllate.org/book/19906/2029495>